

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД И РАЗРЕШЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

М.И. Кротов,

*профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор экономических наук, профессор
mi-krotov@yandex.ru*

Л.Э. Слуцкий,

*зав. кафедрой международных отношений и интеграционных процессов
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова,
доктор экономических наук, профессор*

О.И. Батистова,

*доцент кафедры экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат экономических наук
o.batistova@mail.ru*

В статье евразийская экономическая интеграция рассматривается как системный элемент формирующейся новой модели глобализации, исследуется взаимосвязь и взаимозависимость созданных на постсоветском пространстве интеграционных организаций. Анализируются негативные последствия антиевразийского пути, выбранного рядом стран СНГ. Особое внимание уделяется раскрытию противоречий становления и развития ЕАЭС, разрешение которых, по мнению авторов, является важнейшей внутренней движущей силой этого союза.

Ключевые слова: *евразийская интеграция, модели глобализации, система органов евразийской интеграции, СНГ, ОДКБ, Евразийский экономический союз, Союзное Государство, противоречия интеграции.*

УДК 339.924 ББК 65.5

Особенности научного подхода к исследованию евразийской интеграции

Евразийская экономическая интеграция — новое социально-экономическое явление, которое появилось в самом конце XX века как в масштабе континента, так и в масштабе бывшего СССР. Это, во-первых, обусловлено радикальным повышением роли Азии и ее лидеров — Китая и Индии в мировом процессе, превращением их в ближайшей перспективе в равнозначных США партнеров для Западной Европы и ведущих партнеров для других стран евразийского континента и СНГ. Во-вторых, завершение процесса дезинтеграции бывших республик СССР, представлявших в течение сотен лет единый культурно-экономический комплекс, обусловило стремление к их объединению на новой евразийской основе.

Евразийская интеграция на пространстве СНГ как научный предмет мало исследована. Имеющиеся работы излишне политизированы: нацелены или на огульное отрицание перспектив евразийской идеи [1], или на отождествление этого процесса с геополитической экспансией XIX века [2, с. 541]; авторы недостаточно знакомы с реальной практикой евразийской интеграции; не видят антиевразийского и антироссийского характера Восточного партнерства, соглашений об ассоциации с Европейским Союзом, других европейских интеграционных проектов на постсоветском пространстве [3, с. 43], не понимают качественных отличий евразийской интеграции от европейской. В результате такого подхода в стратегическом планировании стран СНГ принижается значение их взаимной интеграции, а управление этим процессом копируется с модели Европейского Союза, не учитывая социально-экономическую и цивилизационную специфику евразийского пространства. На практике

это ведет к серьезным потерям и делает евразийскую интеграцию недостаточно эффективной. Например, отсутствие в ЕАЭС общих подходов к экспортным пошлинам на вывозимое сырье объясняется тем, что во взятом за образец бедном природными ресурсами ЕС такой практики нет (в результате экспортные пошлины на сырую нефть в Казахстане десятикратно меньше таких пошлин в России, что делает пока невозможным создание общего нефтяного рынка ЕАЭС).

Другой методологический недостаток исследования экономической интеграции на постсоветском пространстве — изучение ее в отрыве от анализа внутренних процессов, происходящих в экономике, политике, военной сфере и культуре государств-участников интеграционных проектов. Такое комплексное исследование, раскрывшее связь евразийской интеграции с проведением радикальных реформ в государствах СНГ, было проведено лишь применительно к практике 90-х годов XX века [4].

Особая проблема в исследовании евразийской интеграции — системный подход, предполагающий анализ всех сторон интеграции во взаимосвязи друг с другом. Тем не менее, экономические рекомендации по сотрудничеству со странами СНГ вырабатываются в отрыве от политических, военных и культурных процессов в этих странах, а также общемировой обстановки, включая противоречивые процессы глобализации. Наконец, евразийскую интеграцию рассматривают без исследования ее внутренних противоречий, форм и методов их разрешения [5].

Евразийская интеграция является предметом разных наук, которые изучают ее исторические, правовые, экономические, военные, социокультурные и другие аспекты [6, 21, 22, 23, 24, 25, 26]. Однако, при всем значении таких исследований, они

осуществляются преимущественно узко специализированно и недостаточно учитывают взаимосвязи и взаимозависимости различных аспектов евразийской экономической интеграции как сложной системы, подлежащей междисциплинарному анализу. Это же относится и к рассмотрению природы интеграционных объединений: СНГ, Союзное Государство, ОДКБ, ЕАЭС, которые изучаются, как правило, сами по себе, а не как целостная система евразийских институтов, встроенная в современную модель глобализации.

Поэтому в данной статье евразийская экономическая интеграция рассматривается как системный элемент формирующейся новой модели глобализации, исследуется взаимосвязь и взаимозависимость созданных на постсоветском пространстве интеграционных организаций, анализируются негативные последствия антиевразийского пути, выбранного рядом стран СНГ, особое внимание уделяется раскрытию противоречий становления и развития ЕАЭС, разрешение которых, по мнению авторов, является важнейшей внутренней движущей силой этого союза.

Евразийская интеграция, рассматриваемая на основе предлагаемого методологического подхода, является предметом современной политической экономии как науки об институтах (формальных и неформальных правилах, традициях и привычках, организациях и механизмах), определяющих поведение хозяйствующих субъектов. Именно такой политико-экономический подход, на наш взгляд, позволяет обосновать социально-экономическую политику стран СНГ и их интеграционных союзов [7, с. 46–56].

Евразийская экономическая интеграция в новой глобальной реальности

После распада СССР на его пространстве были созданы и довольно устойчиво функционируют ряд интеграционных объединений: СНГ, Союзное Государство (СГ), ОДКБ, Евразийский экономический союз. В то же время ряд актуальных проектов или не состоялись: Межгосударственный экономический комитет Экономического союза СНГ (учрежден в 1994 году) и Единое экономическое пространство Белоруссии, Казахстана, России и Украины (учреждено в 2003 году), или прекратили свое существование: Евразийское экономическое сообщество. Накопленный успешный и негативный опыт показывает, что интеграционные структуры СНГ выступают лишь элементами более сложных социально-экономических систем и управление их развитием, как и исследование, невозможно без учета особенностей экономической интеграции в глобальном масштабе, а также в смежных сферах политики, обороны и культуры.

Независимо от глубины интеграции, осуществляемой в рамках СНГ, ОДКБ, Союзного государства, ЕАЭС, все эти формы евразийской экономической интеграции являются элементами процесса глобализации, охватывающей как формирование мирового рынка товаров, услуг, капиталов, труда, информации, так и общего политического, оборонного и социокультурного пространств. При этом глобальный характер международной экономической системы вступает в противоречие с политической структурой мира, основанной на концепции национального государства [8, с. 478]. Разрешение этого противоречия глобализации осуществляется в ходе создания интеграционных межгосударственных объединений.

Глобализация в экономической сфере в качестве своего неотъемлемого элемента предполагает как регионализацию, то есть формирование межгосударственных экономических структур как в формах, нацеленных на развитие кооперации и разделение труда между обрабатывающими отраслями: зона свободной торговли, таможенные союзы, экономические союзы, так и объединение ряда государств в формах, нацеленных на интеграцию сырьевых отраслей: межгосударственные картельные соглашения типа ОПЭК, Объединения экспортеров газа и т.п. Другими словами, интеграция отдельных стран в условиях глобализации в мировую экономическую систему происходит не непосредственно, а опосредовано: через участие в различных по своей экономической природе интеграционных группировках. Тем самым субъектами внешнеэкономических отношений всё в большей степени выступают не отдельные страны, а указанные объединения, между которыми теперь заключаются соглашения

об общих таможенных пошлинах, технических регламентах, условиях кооперации, квотах, ценах и т.д. Исключение составляют лидеры глобализации, которые могут себе позволить или не считаться с ранее принятыми обязательствами (США), или иметь обязательства лишь в рамках ВТО (КНР, Индия).

Следовательно, в условиях глобализации конкуренция поднимается на более высокий уровень и осуществляется не только между отдельными субъектами хозяйствования и государствами, но, в первую очередь, между интеграционными структурами, взаимодействие между которыми и определяет диалектику патернализма и либерализма в мировой экономике. Яркий пример этому — протекционизм и противоречащие правилам ВТО, принятые под давлением США внеправовые санкции ЕС и НАФТА в отношении передовых предприятий России и Китая. Эти интеграционные структуры, не считаясь с интересами отдельных государств-членов и их предприятий, запрещают последним выполнять свои обязательства перед такими известными компаниями как «Ростех», «Huawei» и т.д.

В зависимости от глубины интеграции различается степень делегирования интеграционному центру суверенных функций относительно независимых государств. Так, экономика отдельных государств-членов Европейского Союза является лишь пропорциональной частью более сложной системы — этого Союза. Поэтому зависимость даже таких великих государств как Франция и Германия от Европейской комиссии, Суда Европейского Союза существенно больше, чем зависимость в рамках СНГ небольшой Киргизии от Исполнительного комитета и Экономического Суда СНГ.

Вместе с тем зависимость экономики государства-элемента интеграционной системы от системы, даже находящейся на низком уровне интеграции, весьма существенна. Например, Грузия после событий 2008 года официально вышла из СНГ, но при этом попросила сохранить ее участие в более, чем 70-ти соглашениях, подписанных в рамках Содружества. То есть фактически Грузия продолжает выполнять принятые ранее обязательства в рамках СНГ в целях сохранения получаемых от этого преференций.

Точно также как экономика государства-участника региональной интеграции не может быть исследована в отрыве от интеграционного целого, изучение регионального экономического объединения не может осуществляться без учета особенностей современного этапа глобализации и его места в этом процессе.

Современный процесс глобализации характеризуется переходом от старой его модели к новой (см. табл. 1).

Таблица 1

Модели глобализации

Старая	Новая
1. Однополярность — единоличное лидерство США.	1. Многополярность — взаимодействие старых («Большая семерка») и новых лидеров (Китай, Россия, Индия, Бразилия).
2. Институты глобализации (МВФ, Мировой банк, ЕЦБ, ЕБРР) подконтрольны США и их союзникам.	2. Сочетание старых и новых институтов глобализации (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития, Евразийский Банк Развития).
3. США — двигатель либерализма в экономике, инициатор соглашений о свободной торговле (Азиатско-Тихоокеанское партнерство, США-ЕС).	3. КНР — двигатель либерализма в экономике, инициатор проекта «Один пояс и один путь» (более 60 стран), создание ШОС, БРИКС. США — сторонник протекционизма, вышли из АТП, выходят из Соглашения по климату, заморозили переговоры США-ЕС по свободной торговле.
4. Распространение западных либеральных ценностей в качестве мирового эталона.	4. Защита новыми лидерами традиционных ценностей. Доведение «Большой семерки» либеральных ценностей до абсурда (третий пол, легализация «легких» наркотиков).
5. Цивилизованный развод стран, составлявших единый народно-хозяйственный комплекс СССР.	5. Укрепление Евразийского экономического союза, создание условий для объединения ЕС и КНР с Юго-Восточной Азией через Россию.

Источник: составлено авторами.

Современную модель глобализации характеризует, во-первых, многополярность — взаимодействие примерно одинаковых по национальной силе старых («Большая семерка», G7) и новых лидеров (Китай, Индия, Россия, Бразилия). Во-вторых, сочетание старых (МВФ, Мировой банк, ЕЦБ, ЕБРР) и новых институтов глобализации (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития, Евразийский Банк Развития, Евразийский фонд стабилизации и развития), формирование глобальных структур без США и Западной Европы (ШОС, БРИКС).

В-третьих, новые лидеры глобализации (Россия, Китай, Индия) выступают сторонниками либерализации торговли, а США и их партнеры активно проводят политику протекционизма и внеправовых санкций. Это вынуждает даже военно-политических партнеров США, в том числе и некоторых членов «Большой семерки» создавать с КНР зоны свободной торговли. Так, в созданное в 2020 году Всестороннее региональное экономическое партнерство или ВРЭП (Regional Comprehensive Economic Partnership — RCEP) вместе с Китаем вошли Япония и Австралия [9]. В-четвертых, новые лидеры защищают традиционные ценности. В отличие от них «Большая семерка» доводит либеральные ценности до абсурда законодательно под флагом демократии, признавая возможность употребления «легких наркотиков», наличие третьего пола (Германия, скандинавские страны.) и т.п. Навязываемая старыми лидерами (как универсальная для всего мира) «либерально-демократическая культура» вступает в прямое противоречие с христианской, исламской, буддистской и другими традиционными культурами, ведет к вырождению западных наций. Попытки компенсации снижения рождаемости за счет политики мультикультурализма лишь обостряют внутренние противоречия в государствах — старых лидерах глобализации. Таким образом, глобальное размежевание проходит по всем сферам общественной жизни: экономике, политике, культуре, военной сфере.

В-пятых, ключевую роль в формировании «Большой Евразии» играет Евразийский экономический союз и как географический центр Евразии, и как объединение, созданное на базе России — страны, обладающей самой большой в мире территорией и природными запасами, имеющей паритет с США по ядерным силам сдерживания. Поэтому развитие ЕАЭС, повышение его привлекательности и геостратегической мощи — важнейший фактор интеграции в масштабе Евразии в целом. Успехи китайского проекта «Один пояс и один путь», а также Транспортного Союза России, Индии и Ирана во многом будут определяться сопряжением с Евразийским экономическим союзом.

В этих условиях евразийская цивилизационная идея начинает завоевывать общественное сознание, а западноевропейская либерально-демократическая идеология переживает глубокий кризис. Лежащая в основе этой идеологии протестантская (преобладающая в Западной Европе и Северной Америке) культура — культура труда как основа богатства, бережливости, уважение к закону и морали, дающих индивиду независимость от государства, свободу частной инициативы, защиту собственности сыграла особую роль в развитии индустриального капитализма. Однако ныне, как отмечено в ряде публикаций зарубежных социологов и экономистов, западноевропейская цивилизация находится в упадке. Речь идет не только о кризисе в экономике, но и о росте эгоизма и вседозволенности поведения, особенно высших менеджеров и банкиров, о снижении самоидентификации европейцев как христиан и доверие в целом к религии, а также к традиционным политическим партиям [10, с. 156].

В отличие от западноевропейской практики провальной политики мультикультурализма, евразийская концепция, как восточноевропейская по своей природе, опирается на многовековой опыт мирного сосуществования и сотрудничества народов, исповедующих христианскую, мусульманскую, буддистскую и иудейскую религии. Эти народы прибыли не из других стран и не в последние годы, а веками в составе Российской Империи и СССР вместе жили и работали. Две главные по численности адептов религии Евразии — православие и ислам при всех

теологических различиях имеют принципиально общую и отличающую их от западного христианства черту — ориентацию на коллективизм, а не на индивидуализм, неприятие стремления к умножению богатства любыми путями, уважение к роли государства в условиях сурового континентального климата и постоянных внешних военных угроз.

Радикальное изменение глобализационной модели, повышение в ней роли евразийской интеграции создает исторический потенциал для последней и в то же время содержит серьезную угрозу. Россия и ее партнеры, как и Китай, оказались в центре борьбы США за сохранение мирового господства. Пока **основное политическое противоречие глобализации** между старыми лидерами и новыми не будет разрешено, противодействие Запада любым формам евразийской экономической интеграции будет усиливаться, независимо от возможных политических уступок России США и Европейскому Союзу, а также персонального состава западных лидеров (Д. Трамп, Дж. Байден и т.д.). Такое же противодействие испытывает китайский проект «Один пояс и один путь» и российско-индийско-иранский проект Транспортного Союза. Да и усилению позиций Германии в Европейском Союзе США будет всячески противодействовать, как это и показывают санкции против немецкого бизнеса из-за «Северного потока-2».

В своих работах Г. Киссинджер подчеркивает: «Господство какой-либо одной державы над любым из составляющих Евразию континентов: Европы или Азии — все еще остается критерием стратегической опасности для Америки, независимо от наличия или отсутствия «холодной войны». Ибо такого рода перегруппировка стран способна превзойти Америку в экономическом, а в конечном счете и в военном отношении. Опасности этой придется противодействовать, даже если господствующая держава будет по отношению к Америке настроена благожелательно» [11, с. 741].

При этом в борьбе с лидерами евразийской интеграции — Россией и Китаем используется известный принцип британского колониализма «разделяй и властвуй». Поэтому США предпринимают все меры для ухудшения отношений Европейского Союза с Россией и Китаем, а Индии с Китаем. В противовес этому в последнем случае объединяющей силой китайско-индийского сотрудничества выступает Россия, инициировавшая создание новой геополитической структуры — РИК (Россия, Индия, Китай).

В условиях, когда объективная социально-экономическая тенденция к формированию «Большой Евразии» от Лиссабона до Владивостока и от Москвы до Дели встречает всестороннее противодействие США, в сложном геополитическом положении оказываются страны Западной Европы: Европейский Союз, объединяющий бедные природными ресурсами страны, с одной стороны, заинтересован соединить свои технологические и финансовые возможности с ресурсами и рынками России, Китая и их союзников, с другой стороны, ЕС связан военно-политическими обязательствами перед США в рамках НАТО и вынужден проводить антиевразийскую политику. Первенство военно-политического фактора над экономическим и объясняет антиевразийский характер европейской политики на пространстве СНГ. Можно прогнозировать, что политическая позиция европейской части «Большой семерки» будет меняться в будущем лишь при существенном возрастании национальной мощи новых лидеров глобализации.

Организации евразийской интеграции: общее и особенное

Глобализация — системный противоречивый процесс, охватывающий не только экономику, но и политику, культуру, военную сферу. Поэтому экономическая интеграция как внутренний элемент этого процесса также должна рассматриваться во взаимосвязи с политической, военной и культурной формами интеграции. При этом, как уже отмечалось, практика часто показывает первенство политической, военной и культурной интеграции над экономической интеграцией. Так, несоответствующие стандартам Европейского Союза Латвия, Литва, Эстония, Румыния и Болгария, были приняты в этот союз исключительно благодаря вступлению в НАТО. Точно также участие

Армении и Киргизии в ОДКБ, безусловно, способствовало их присоединению к ЕАЭС.

Через культурное противодействие (ограничение или прямой запрет на использование русского языка, политизированное обучение, НКО, фонды типа Сороса, сектантские движения, искажение исторической памяти и т.п.), Запад с намного меньшими затратами в ряде стран СНГ успешно противостоит экономическим стимулам евразийской интеграции. Экономя миллионы на «мягкой силе», Россия и ее союзники теряют миллиарды. Тем не менее, Федеральный Бюджет РФ на 2021–2023 годы недостаточно учитывает эффективность гуманитарных стимулов интеграции.

Прежде всего, «мягкой силой», то есть политизированным культурным воздействием, можно объяснить согласие Украины, Молдавии и Грузии на доминирование Европейского Союза в рамках Соглашения об ассоциации. Этим же объясняются события в Армении (в 2018 году) и Белоруссии (в 2020 году). В течение 10 лет только Польша на грантовой основе обучала по 10 тысяч молодых белорусов в год, идеологически превратив эту стотысячную массу в движущую силу «цветного» протеста. Для сравнения Российская Федерация выделила в 2019 году из своего бюджета только 23 места для обучения граждан Белоруссии, одновременно на миллиарды долларов из своего бюджета дотируя экономику этого партнера по Союзному Государству. В целом Россия для всех стран мира выделяла в год из своего бюджета всего 15 тысяч квотных мест на обучение. После поручения президента России (от 24 апреля 2019 года) в федеральном бюджете запланировано увеличение количества таких квотных мест в 2021 году до 18 тысяч, в 2022-м году — до 23 тысяч, в 2023 году — до 30 тысяч, что все равно не соизмеримо с количеством обучающихся на Западе [12].

Политическую задачу противодействия евразийской интеграции выполняют и западные авторы, а также их идеологические последователи в России, в основном специализируясь на критике СНГ, ЕАЭС, СГ, ОДКБ. При этом вместо анализа успехов и просчетов евразийской практики, предполагающих знания об интеграционных структурах на постсоветском пространстве, эти авторы — современные советологи занимаются политической пропагандой. Так, Институт международной экономики Питера Петерсона, Центр стратегических и международных исследований, Российская экономическая школа, подменяя научный анализ политическими лозунгами, прямо призывают Россию распустить СНГ и созданные в ее рамках интеграционные структуры [13, с. с. 318].

Свой негативный вклад в евразийскую интеграцию вносят иностранные и повторяющиеся их отечественные СМИ и социальные сети (Telegram, Facebook) и др., формируя в общественном сознании на постсоветском пространстве негативный образ России и на этом основании убеждение в отсутствии перспектив евразийской интеграции. Тем самым информация становится эффективным антиинтеграционным оружием, которое не получает достаточного адекватного противодействия. Формирующие позитивную повестку телерадиокомпания СНГ «Мир», российский «Спутник», РТР «Планета» пока проигрывают на информационном поле.

Системный подход предполагает отказ от узко-экономического подхода и органичное сочетание экономической интеграции с политической, военной, культурно-информационной интеграцией. Только так можно противостоять внешним и внутренним противникам евразийской интеграции, задействовать все внутренние стимулы этого процесса и, главное, сделать этот процесс необратимым. В этих целях органы государственной власти для окончательного принятия решений по результатам двусторонних и многосторонних экономических переговоров должны учитывать политическую, оборонную и гуманитарную позиции, занимаемые партнерами.

Такой подход должен быть законодательно закреплён при предоставлении иностранным компаниям и работникам преференций на российском рынке товаров, услуг, труда и капиталов. Соответствующая практика имеется, хотя и находится в зачаточном состоянии. Например, законодательство запрещает работу водителям без получения российских водительских прав. При этом в законе прямо сделано исключение для

граждан стран, в которых русский язык имеет статус государственного или официального.

В таблице 2 показаны сферы интеграции, которые охватывают СНГ, ОДКБ, СГ и ЕАЭС. В СНГ участвует 11 государств, и она охватывает сотрудничество во всех сферах. В ОДКБ участвует 6 государств, и оно включает военно-политическое взаимодействие. Союзное Государство образовали Россия и Белоруссия для сотрудничества во всех сферах. Однако здесь пока наиболее успешна интеграция лишь в социальной сфере. ЕАЭС включает 5 государств, которые формируют экономический союз.

Таблица 2

Интеграционные организации на постсоветском пространстве

Интеграционные организации	Члены	Сферы сотрудничества			
		Экономика	Политика	Оборона	Культура
СНГ	11	+	+	+	+
ОДКБ	6	–	+	+	–
ЕАЭС	5	+	–	–	–
Союзное Государство	2	+	+	+	+

Источник: составлено авторами.

К сожалению, в отличие от ЕС, ЕАЭС, имеющий на постсоветском пространстве самый высокий уровень экономической интеграции, полностью изолирован от процессов социокультурного взаимодействия и имеет ограниченное влияние на политическое сотрудничество его членов. Если предшественник ЕАЭС — ЕврАзЭС охватывал сотрудничество в сфере культуры и образования, имел Межпарламентскую Ассамблею ЕврАзЭС, которая даже утверждала судей организации, то в ЕАЭС эти формы интеграции из-за позиции отдельных членов отсутствуют. Это, в свою очередь, непосредственно влияет на глубину экономической интеграции.

Например, отсутствие парламентской структуры ЕАЭС, во-первых, тормозит процесс унификации и гармонизации национального законодательства в сфере экономики, а также приведения его в соответствие с договорной базой этой организации. О сложности указанных задач говорит такой пример: вступление в силу в 2018 году Таможенного кодекса ЕАЭС потребовало только в Российской Федерации принятия нового федерального закона о таможенном регулировании и внесения изменений в 48 законодательных актов и 50 подзаконных актов (Указов Президента и Постановлений Правительства). Аналогичную работу приходится выполнять и парламентам других стран ЕАЭС. В отсутствии общего парламентского органа гармонизация и унификация евразийского экономического законодательства существенно затруднена.

Во-вторых, без многостороннего парламентского измерения невозможно принятие бюджета ЕАЭС по аналогии с бюджетом ЕС, который утверждается Европарламентом. В бюджет ЕС направляется более 75% от таможенных сборов государств-членов, поэтому последним довольно безразличен уровень таможенных сборов. Это существенно облегчает Европейской комиссии проведение тарифно-таможенной политики.

В ЕАЭС в условиях отсутствия общего бюджета таможенные сборы распределяются между бюджетами государств-членов на основе утвержденных пропорций (Республика Армения — 1,11%, Республика Беларусь — 4,56%, Республика Казахстан — 7,11%, Кыргызская Республика — 1,9%, Российская Федерация — 85,32%). Фактически Российская Федерация и Белоруссия собирают таможенные сборы в размере больше указанных процентов, поэтому часть сборов Белоруссии и России перераспределяется в пользу Казахстана, Киргизии и Армении. Это рождает определенные противоречия при формировании общего таможенного тарифа Евразийской экономической комиссией.

В научной литературе недооценивается роль СНГ на постсоветском пространстве. Однако, хотя СНГ действительно не отличается особой глубиной интеграции, оно существенно дополняет ЕАЭС и ОДКБ, охватывая кроме экономики, полити-

ки, обороны также сферу культуры и включает 11 государств, часть которых при определенных условиях могут войти в состав ЕАЭС и ОДКБ.

В условиях сосуществования в рамках СНГ разнополярных групп стран, лидеры России и Казахстана справедливо отмечают особую объединяющую роль СНГ в гуманитарном сотрудничестве. В то же время отмечается, что по мере того, как культура постсоветских стран приобретает все более национальный характер, ослабевают гуманитарные стимулы к объединению [14, с. 273, с. 277–278]. Сегодня уже большая половина населения стран Содружества родилась после распада СССР. Это делает особенно актуальным культурное взаимодействие в рамках СНГ.

Союзное Государство, также как и СНГ, охватывает все сферы общественной жизни, и нацелено на глубокую интеграцию. Но его строительство, несмотря на очевидную эффективность и солидную правовую базу, пока заморожено. Поэтому реальная интеграция подменяется обсуждением его дорожных карт, а бюджет СГ до сих пор ежегодно утверждает Парламентское Собрание переставшего существовать Союза Беларуси и России (по Договору «О создании Союзного Государства» эту функцию должен был выполнять Парламент Союзного Государства).

Системный подход предполагает существование адекватных уровню интеграции СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, СГ органов и институтов интеграции. В таблице 3 даются сведения о таких органах.

Таблица 3

Органы интеграционных организаций на постсоветском пространстве

Интеграционные организации	Высшие	Органы			
		Исполнительные	Парламентские	Судебные	Дополнительные
СНГ	Совет глав государств	Исполком	МПА	Экономический суд	Гуманитарный фонд, межгосударственный банк
ОДКБ	Совет коллективной безопасности	Секретариат	ПА ОДКБ	—	—
ЕАЭС	Высший Евразийский экономический совет	Евразийская экономическая комиссия	—	Суд ЕАЭС	Евразийский Банк Развития, Евразийский фонд стабилизации и развития
Союзное Государство	Высший Государственный Совет	Постоянный комитет	Парламентское собрание	—	—

Источник: составлено авторами.

В СНГ представлены исполнительные, парламентские и судебные органы. При этом они не имеют наднационального характера. В то же время нормативно-правовая база СНГ: международные договоры и Решения Совета глав государств и правительств исполняются в соответствии с национальными законодательствами государств-участников. Ратифицированные международные договоры СНГ (о зоне свободной торговли, безвизовых поездках и т.п.), имеют приоритетную силу в национальном законодательстве, а решения, подписанные президентами или премьерами, равнозначны распоряжениям этих руководителей. В то же время Устав СНГ не предусматривает того уровня интеграции, который был зафиксирован в Беловежских Соглашениях (общее экономическое и социальное пространство, единые вооруженные силы, скоординированная внешняя политика), а национальное законодательство государств-участников СНГ в ряде сфер, например, в военной, не предполагает выполнение и Устава СНГ.

Особую роль в евразийской интеграции играет Межпарламентская Ассамблея СНГ, имеющая самую высокую правосубъектность (действует на основе специальной конвенции). Эта

международная парламентская организация через принятие модельных, типовых законов обеспечила создание общего правового пространства в СНГ. Среди более пятисот модельных кодексов и законов особо выделяются: Модельный Гражданский кодекс СНГ, который на 80–90% отражен в национальных гражданских кодексах; закон об электронной цифровой подписи, полностью продублированный национальными законами стран СНГ; закон о рынке ценных бумаг и др. Хотя эти модельные законы являются рекомендательными, в регламентах национальных парламентов стран СНГ предусмотрено их обязательное рассмотрение, что способствует их имплементации.

Важно, что разработанные МПА СНГ правовые нормы также активно используются в ОДКБ и ЕАЭС. Например, Модельный закон «Об электронной цифровой подписи» создал правовую базу для электронной торговли и интернет-экономики, которая полностью учитывается в рамках евразийской интеграции. При этом развитие электронной торговли сдерживается отсутствием межгосударственного удостоверяющего центра, который обеспечивал бы взаимопризнание национальных электронных подписей в рамках СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, СГ.

В СНГ также успешно действует Гуманитарный фонд, который финансирует программы в сфере культурной интеграции. К сожалению, его бюджет чуть больше 200 млн руб. в год, что явно недостаточно.

ОДКБ имеет исполнительные и парламентские органы, коллективные вооруженные силы. Эта организация обеспечивает коллективную безопасность для участников ЕАЭС, оперативно отвечает на вызовы и угрозы, придавая политическую стабильность экономическим связям. Более того, она обеспечивает военно-техническое сотрудничество, кооперацию и разделение труда в рамках оборонных отраслей, существенно влияя на создание льготного рынка оружия в рамках ЕАЭС и способствуя наращиванию экспорта военной продукции, что имеет особое значение в условиях кризисов. Как справедливо подчеркивал Нобелевский лауреат Пол Кругман, характеризуя экономическую динамику США: «Каждый год, когда отмечалось существенное увеличение военных расходов, был также годом уверенного роста экономики» [15]. Абстрагирование от вопросов экономической и военной безопасности, а также роли оборонных отраслей в модернизации экономики — основная методологическая ошибка российских либеральных экономистов 90-х годов и их последователей сегодня.

Главным преимуществом ЕАЭС является глубина общего экономического пространства и регулирующие функции исполнительных и судебных органов, которым делегированы существенные полномочия государств-членов. Решения Совета и Коллегии ЕЭК имеют силу международных договоров, то есть обязательны для стран участников. При этом право ЕАЭС (договора и решения) приоритетно по отношению к национальному праву. При принятии национальных законов в сфере экономики необходимым условием является то, что они не противоречат Договору о ЕАЭС.

Обязательны к исполнению и решения Суда ЕАЭС, который рассматривает не только иски государств-членов к ЕЭК, но и, что очень важно, иски всех субъектов хозяйствования, в том числе предприятий государств — не членов ЕАЭС. Уже есть примеры, когда предприятия доказывают в Суде ЕАЭС неправоту решений ЕЭК по взиманию таможенных пошлин или введению квот. Тем самым обеспечивается механизм сдержек и противовесов в системе органов ЕАЭС.

Другим важным преимуществом ЕАЭС является существование собственных финансовых институтов: Евразийского Банка Развития и Евразийского фонда стабилизации и развития. Наличие этих институтов оказывает существенное содействие евразийскому бизнесу и стимулирует участие государств в интеграции. Масштаб кредитов и гуманитарной помощи этих органов превалирует в Белоруссии, однако существенно отстает от иностранных, особенно китайских, кредитов в Киргизии и Таджикистане.

Важное отличие рассматриваемых интеграционных органов — состав их участников. Он отражает исторические особенности формирования независимых государств и их способность

выполнять суверенные функции. После распада СССР главным донором формирования независимости его бывших республик была Россия. Она предоставляла, во-первых, свободный доступ товаров из стран СНГ на свой шестой по величине рынок в мире; во-вторых, возможность неограниченного экспорта в Россию трудовых ресурсов, что снижало социальную напряженность и обеспечивало существенное поступление денежных средств в государства СНГ; в-третьих, вместе с Казахстаном, Азербайджаном и Туркменией давала доступ к дешевым энергоресурсам; в-четвертых, обеспечивала существенные транзитные доходы для Белоруссии, Украины и Прибалтики. Другими словами, политический суверенитет бывших республик СССР во многом обеспечивался сохранением преимуществ ранее существовавшего единого с Россией народнохозяйственного комплекса.

Вместе с тем, Российская Федерация, в отличие от СССР, не осуществляет финансовые дотации странам СНГ, поэтому в условиях постоянного бюджетного дефицита, отсутствия финансовой базы для суверенитета они вынуждены были получать ставящие их в политическую зависимость кредиты МВФ и других западных финансовых институтов. В результате одинаковый с Россией на момент распада СССР уровень жизни в его бывших республиках к 2014 году стал существенно ниже российского. В таких условиях страны СНГ осуществляли свой геостратегический (евразийский или европейский) выбор (см. рис.1).

Рис. 1. ВВП на душу населения (ППС) государств — участников ЕАЭС и членов ассоциации с Европейским Союзом в 2014 году, долл. США

Источник: [16].

Рассматриваемые во взаимосвязи четыре органа евразийской интеграции (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, СГ) образуют взаимодополняемую систему, которая постоянно подвергается негативному внешнему воздействию со стороны старых лидеров глобализации. Значительный удар по зоне свободной торговли в рамках СНГ был нанесен вступлением его членов в ВТО поодиночке без согласования с главным торговым партнером — Российской Федерацией в 90-е годы — Киргизии, а затем (в первое десятилетие 2000-х годов) Армении, Грузии, Молдавии и Украины. Эти страны взяли на себя обязательства по существенному снижению или обнулению торговых пошлин на чувствительные для Российской Федерации товары.

Опережающее Россию членство ряда стран СНГ в ВТО было обусловлено давлением западных стран и стремлением вступить в ВТО раньше России, чтобы потом ставить ей условия в области двусторонней торговли при вступлении в ВТО. К сожалению, российские органы, отвечающие за переговоры с ВТО, также недостаточно сотрудничали с партнерами по СНГ, планируя вступить в ВТО первыми. При этом США контролировали очередность приема в ВТО стран СНГ, жестко определяя возможность приема России лишь после Украины и на неравных условиях.

Вступление в ВТО ряда стран СНГ без согласования с Россией привело к тому, что эти страны, во-первых, не приобретают существенных новых рынков, стали терять свой главный внешний рынок — российский. Например, Киргизия ввела в 1998 году нулевые пошлины на ряд китайских товаров, и значительная часть населения стала заниматься перепродажей этих товаров. В результате Россия, а также Казахстан, защищая свой рынок,

ввели в отношении Киргизии квоты и запретительные пошлины. Во-вторых, после вступления в ВТО в экономику этих стран примерно в 3 раза снизился объем иностранных инвестиций (иностраный капитал никогда не будет создавать в странах СНГ новые производства, если можно легко возить готовые товары из стран Юго-Восточной и Южной Азии, где рабочая сила намного дешевле). Более того, стали закрываться имеющиеся иностранные производства, рассчитанные на свободный доступ на российский рынок.

Именно потеря российского рынка, рыночные цены на российско-казахстанско-азербайджанские энергоносители, создание новых транзитных маршрутов, финансовая задолженность подорвали экономический суверенитет и привели к политической нестабильности ряда стран СНГ в виде «цветных» революций. Например, Украина, вступив в ВТО в 2008 году, обязалась через 5 лет — к августу 2013 года снизить ввозные пошлины на сельскохозяйственную продукцию с 29% до 9%. Аналогичным образом снижались украинские ввозные пошлины и на другие иностранные товары. В ответ Россия вынуждена была защищать свой рынок.

Антиевразийский экономический опыт и его последствия

Ситуацию в СНГ усугубил мировой кризис 2008 года, который показал, что экономика, основанная на устаревшей советской промышленной базе, не выдерживает внешней конкуренции и вопросом выживания стран Содружества является новая индустриализация и модернизация. При этом собственные источники модернизации имели лишь Россия, Казахстан и Азербайджан, а научно-технологическую основу для новой индустриализации — только Россия.

В этих условиях страны СНГ оказались перед дилеммой: или идти на глубокую интеграцию с Россией, вступая в ЕАЭС, или продолжать курс в сторону интеграции со старыми лидерами глобализации. В первом случае предполагается делегировать часть экономического суверенитета евразийскому центру при условии принятия решений консенсусом. По такому пути пошли наиболее успешные страны СНГ: Белоруссия, Казахстан, Россия, к которым позднее присоединились Армения и Киргизия.

Украина, Грузия и Молдавия выбрали другой путь — ассоциацию с ЕС, пойдя на полное доминирование Европейского Союза, которому были делегированы не только значительные экономические, но и политические функции. Причина такого выбора как в эффективной «мягкой силе» Запада, так и в прямой личной финансовой зависимости элит указанных государств.

В таблице 4 показаны обязательства и последствия для Украины от ассоциации с Европейским Союзом.

Таблица 4

Обязательства и последствия для Украины от ассоциации с Европейским Союзом

Обязательства	Последствия
1. Неравноправная свободная экономическая зона с ЕС при сохранении квот на экспорт украинских товаров.	1. Режим наибольшего благоприятствования с Российской Федерацией (введение таможенных пошлин, квот и ограничений), односторонний доступ товаров из стран, имеющих зону свободной торговли с ЕС, сокращение инвестиций из ЕС, запрет на регулирование локализации отечественных производителей при государственных закупках).
2. Переход на европейские технические регламенты и фитосанитарные нормы.	2. Уничтожение отечественной индустрии, потеря рынка Российской Федерации, невозможность производственной кооперации с ее предприятиями.
3. Переход на европейские стандарты в области миграции.	3. Упрощение миграции в ЕС (возможность безвизового туристического режима в течение трех месяцев), ограничение трудовой миграции в Россию (введение загранпаспортов).
4. Создание Совета с ЕС и иностранных контролирующих органов.	4. Потеря суверенитета во внешней экономической деятельности и, частично, во внутривнутриполитической деятельности.

Источник: составлено авторами.

В соответствии с этим соглашением Украина, во-первых, создала с ЕС неравноправную зону свободной торговли, в рамках которой беспошлинный ввоз украинской продукции в ЕС квотируется. После выбора квоты продукция облагается таможенными пошлинами. Европейские же товары свободно поступают на рынки Украины, Молдавии и Грузии. Более того, рынки этих государств СНГ оказались открыты и для стран не членов ЕС, но имеющих с ЕС соглашение о зоне свободной торговли. Поэтому турецкий виноград, помидоры стали вытеснять национальную продукцию. Доминирование ЕС проявляется и в запрете требований локализации украинской продукции при государственных закупках из бюджета Украины, и в невозможности ограничить вывоз в ЕС круглого леса и других природных богатств. В свою очередь Россия стала в ответ вводить режим наибольшего благоприятствования, ограничивая свободный доступ на свой рынок.

Вторым принципиальным условием соглашения об ассоциации с ЕС было обязательство Украины за пять лет перейти на европейские технические регламенты вплоть до перехода на европейскую колею железнодорожных путей. Как известно, правительство Н. Азарова оценило этот пункт в 170 млрд долл. США. Столько нужно было для технологического обновления украинских предприятий. Естественно, этих средств Украине никто не представил, и она на европейские технические регламенты полностью не перешла. При этом, как и после вступления в ВТО, объем иностранных инвестиций не вырос, а снизился. Если в 2012 году сальдо прямых иностранных инвестиций в Украину составляло 7,2 млрд долл. США, то 2018 году — только 2,4 млрд долл. США.

За шесть лет в Украине вместо модернизации произошла существенная деиндустриализация экономики, разорваны кооперационные связи с российскими предприятиями и российский рынок во многом потерян. Из страны стремительно нарастает выезд работоспособного населения. В то же время именно денежные переводы из-за рубежа смягчают потери от отрицательного сальдо внешней торговли. В 2018 году денежные переводы составили 11,3 млрд долл. США, а отрицательное сальдо внешнеторгового баланса товаров — 9,8 млрд долл. США соответственно [17]. В целом «европейский» путь развития Украины ведет ее к социальной катастрофе: по официальному заявлению главы правительства Украины (2020 год) через 15 лет страна не в состоянии будет выполнять социальные функции, в частности, выплачивать пенсии [18]. Аналогичные итоги «европейской» интеграции в Грузии и Молдавии. Последняя, вместе с Украиной, официально признаны Европейским Союзом в 2020 году самыми бедными странами Европы.

Отрицательные результаты ассоциации с ЕС создают политические предпосылки для возможного в будущем участия Грузии, Молдавии и Украины в евразийском процессе. Также, как ошибались авторы, считавшие, что участие ряда стран СНГ в Восточном партнерстве, вступление в ВТО без учета интересов России и т.п. является «точкой невозврата» для их евразийской интеграции [19, с. 165], также ошибаются политики и ученые, считающие такой «точкой» ассоциацию с Европейским Союзом. Молдавия получила статус наблюдателя в ЕАЭС, а Украина до сих пор не денонсировала Соглашение о формировании Единого экономического пространства. Главным стимулом и условием евразийского разворота этих государств будет успех ЕАЭС.

Противоречия Евразийского экономического союза и пути их разрешения

1 января 2015 года, когда вступил в силу Договор о ЕАЭС, на его пространстве сохранялось порядка 230 барьеров, которые должны были быть устранены в течение 10-летнего переходного периода. Поставленные задачи выполняются, однако с отставанием. Таможенный кодекс ЕАЭС вступил в силу в 2018 году (на 2 года позже), общий рынок лекарственных средств и медицинских изделий — в 2017 году (на 1,5 года позже), затягивается формирование общего электроэнергетического рынка, а также общих рынков нефти и газа, финансового рынка. С запозданием происходит цифровизация рынка ЕАЭС, обеспечивающая прозрачность и прослеживаемость движения евразийских товаров.

Евразийскую интеграцию, прежде всего, тормозит политическая недооценка ее приоритета. Так, в 2015 году Казахстан вступил в ВТО, согласившись на таможенные условия, отличные от ЕАЭС. В итоге, ЕАЭС вынужден был ввести пошлины на ввоз из Казахстана в Россию, Белоруссию, Киргизию и Армению 1000 наименований товаров. В случае вступления в ВТО Белоруссии, зона свободной торговли в рамках ЕАЭС может еще более сузиться. Негативную роль для развития евразийской интеграции играет и временное применение с 2018 года Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве Армении с Европейским Союзом.

В то же время, евразийская интеграция углубляется. Устранение имеющихся барьеров, переход к инновационной постиндустриальной и информационной экономике изменяет базу ЕАЭС. Этой базой становятся уже не традиционная внешняя торговля, а научно-производственная кооперация в рамках евразийской интеграции — совместные разработка, производство и сбыт наукоемкой конечной продукции, позволяющий создать технологические цепочки производства добавленной стоимости, занять устойчивое место на глобальном рынке высоко- и среднетехнологичных товаров и услуг. Об успехах модернизации российско-казахстанско-белорусской экономики говорит функционирование более 8000 российско-казахстанских, более 6000 российско-белорусских, а также сотни белорусско-казахстанских совместных предприятий.

Наряду с политическими проблемами, евразийскую интеграцию тормозит и непонимание ее внутренних экономических противоречий, а также преимуществ и слабых сторон по отношению к европейской интеграции (см. рис. 2).

Во-первых, ЕАЭС объединяет не только страны-импортеры ресурсов, как это имеет место в Европейском Союзе, но и ведущие в мире страны-экспортеры ресурсов (Россия, Казахстан). В Европейский Союз Норвегия и такая часть Дании, как Гренландия, не вступили, чтобы не делиться ресурсами с другими странами.

Во-вторых, Евразийский союз объединяет государства с низким уровнем монетизации экономики (М2 от ВВП). Этот показатель в Белоруссии составил 10%, в Казахстане — 20%, в России — 45%, а Европейский Союз включает государства с высоким уровнем монетизации: 80–100%. Для сравнения уровень монетизации в КНР — 195%, в Японии — 245% [20, с. 23].

В-третьих, рынок ЕАЭС, занимая шестое по объему место в мире, отличается невысокой конкуренцией (он защищен относительно высокими таможенными пошлинами), в отличие от первого в мире по размерам высококонкурентного рынка ЕС.

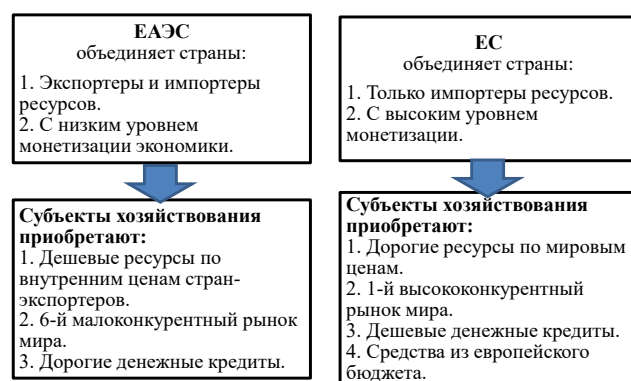

Рис. 2. Особенности Евразийской и Европейской интеграций

Источник: составлено авторами.

В результате субъекты хозяйствования в ЕАЭС имеют преимущество, поскольку приобретают дешевые ресурсы по внутренним ценам стран-экспортеров и имеют свободный доступ на рынок стран ЕАЭС, прежде всего, на рынок России. В то же время, члены Европейского Союза получают доступ к дешевым денежным кредитам, средствам европейского бюджета и возможность свободного выхода на высококонкурентный европейский рынок. Однако, отмеченные преимущества ЕС

не распространяются на его ассоциированных партнеров. Поэтому увеличение уровня монетизации и снижение ключевой ставки центробанков ЕАЭС будет не только углублять интеграцию стран СНГ, выбравших евразийский путь развития, но и создаст предпосылки для смены геополитического курса «проевропейских» стран СНГ.

Первый шаг к повышению привлекательности ЕАЭС сделан в Российской Федерации, где ключевая ставка ЦБ снижена до 4,2% (к сожалению, это пока не привело к адекватному снижению процентов по кредитам коммерческих банков, которые сохраняют маржу в размере 6–7%). Точно также, для формирования евразийского бюджета, как источника программ развития и дотаций нуждающимся странам ЕАЭС, необходимо создать в нем парламентское измерение.

В целях создания общих рынков нефти, газа, финансов страны-экспортеры ресурсов в соответствии со своими национальными интересами и обязательствами в рамках ВТО проводят политику приведения в соответствие с мировым уровнем цен на ресурсы. Это осуществляется через налоговый маневр путем повышения уровня НДС и соответствующего снижения экспортных пошлин. Так, в 2019 году дополнительный доход российского бюджета составил 54,8 млрд руб., в 2020 году планировалось получить 197,8 млрд руб.

При этом, повышение цен на ресурсы было компенсировано отечественным нефтеперерабатывающим предприятием из бюджета России, исходя из нормы «два к одному» (более 100 млрд руб.). Это привело к ухудшению условий нефтеперерабатывающих предприятий стран-импортеров ресурсов, которым дополнительные затраты не были компенсированы. Разрешить это противоречие как раз и позволит возможность получения средств из евразийского бюджета и дешевые кредиты в ЕАЭС. В этих условиях можно будет обеспечить равный доступ субъектов хозяйствования стран-импортеров ресурсов к их добыче в странах-экспортерах. В итоге, в ЕАЭС богатство природных ресурсов соединится с доступностью к финансовым средствам, что сделает евразийскую экономическую интеграцию более привлекательной, чем европейская интеграция.

Выводы

1. Евразийская интеграция является главным вектором формирования новой модели глобализации. Лидирующую роль в этом процессе играют Российская Федерация и КНР с участием Индии. Динамика евразийской интеграции определяется эффективностью трех сопряженных проектов: развитием ЕАЭС, реализацией инициативы «Один пояс и один путь», а также формированием Транзитного союза России, Ирана и Индии. Успех евразийской интеграции — главное условие разрешения основного политического противоречия новой глобальной реальности (между старыми и новыми лидерами глобализации).

2. Евразийская интеграция на постсоветском пространстве образует взаимосвязанную систему организаций и институтов, охватывающих сотрудничество в области экономики, политики, обороны и культуры. Поэтому, при всей важности исследования отдельных сторон евразийской интеграции, необходимо изучение этого процесса в целом, раскрытие его противоречий и путей их разрешения. Выполнение такой научной задачи, в первую очередь, предполагает политико-экономический подход, в соответствии с которым евразийская экономическая интеграция исследуется во взаимосвязи с политическими, социокультурными, оборонными и иными факторами.

3. Международные организации, возникшие на постсоветском пространстве: СНГ, СГ, ОДКБ и ЕАЭС охватывают разные сферы и уровни евразийской интеграции, образуя взаимодополняемую систему институтов сотрудничества. Практика показала, что гуманитарное сотрудничество и информационное воздействие зачастую выступает большим стимулом к участию в европейских проектах, чем многомиллиардные экономические стимулы к евразийской интеграции, предоставляемые Россией. Поэтому необходимо перераспределять ресурсы в пользу гуманитарного и информационного сотрудничества в рамках СНГ. Точно также государственные органы для окончательного принятия решений по результатам двусторонних и многосторонних экономических переговоров должны учитывать политическую, оборонную и гуманитарную позиции, занимаемые партнерами.

4. Основное содействие становлению новых независимых государств оказывала Российская Федерация, предоставлявшая свободный доступ на свой рынок для товаров и трудовых ресурсов из стран СНГ, а также поставлявшая совместно с Азербайджаном, Казахстаном и Туркменией ресурсы по внутренним ценам. Процессы деиндустриализации, финансовая зависимость от западных институтов и вступление в ВТО ряда стран СНГ привели к тому, что они, во-первых, потеряли старые рынки и не приобрели сопоставимые по значимости новые; во-вторых, резкое падение уровня жизни привело к политической нестабильности и доминированию США и ЕС.

5. «Европейский путь» ряда стран СНГ: ассоциация с ЕС и разрыв связей с Россией, привели их к дальнейшей деиндустриализации, сырьевой специализации и внешнему управлению.

6. Евразийский путь стран СНГ, ЕАЭС и ОДКБ, несмотря на прямое противодействие Запада, в целом успешно реализуется, но требует разрешения ряда внутренних противоречий на основе совершенствования финансово-бюджетной политики, а также расширения сфер (образование, наука и т.п.) и институтов (общий евразийский бюджет, парламентская структура) сотрудничества, расширения их (Евразийская экономическая комиссия) полномочий.

Литература

1. Ослунд А. Постсоветское пространство: некролог. В кн. Россия после кризиса: сб.ст. / авт.-сост. С. Гуриев, Э. Качинс, А. Ослунд; пер. с англ. О. Литвиновой, М. Овчаренко. — М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. С. 297–318.
2. Дугин А. Основы Геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. — М.: АРКТОГЕЯ-ЦЕНТР, 1999 г. — 928 с.
3. Ковалев А. А. Евразийская интеграция как пример современного интеграционного процесса в условиях нестабильности // Управленческое консультирование. — 2017. — №6. С. 40–46.
4. Stroeve, E., Bliakhman, L., Krotov, M. Russia and Eurasia at the Crossroads. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 1999. — 494 p.
5. Противоречия и вызовы евразийской интеграции: пути преодоления: монография/под ред. Л. Э. Слущкого. — М.: ИНФРА-М, 2018. — 251 с.
6. Пивовар Е.И. Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: 1991–2015 гг. (предпосылки, становление, развитие) / Е.И. Пивовар. — СПб.: Алетейя, 2016. — 720 с.; 7. Кротов М. И. Политико-экономические проблемы модернизации: опыт России и СНГ. — СПб: изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2011. — 292 С. — С. 46–56.
8. Киссинджер Г. Мировой порядок. — М: Издательство АСТ, 2015. — 544 с.
9. The meaning of RCEP, the world's biggest trade agreement//The Economist, 2020. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2020/11/15/the-meaning-of-rcep-the-worlds-biggest-trade-agreement> 15/11/2020 (Дата обращения: 5.11.20).
10. Contemporary Capitalism and its Crises; Social Structure of Accumulation Theory for the 21 st Century/ Ed. by T. McDonough, M. Reich, D. Kotz. Cambridge. — 2010. — 374 p.
11. Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. В.В. Львова / Послесл. Г.А. Арбатова. — М., Ладомир, 1997. — 848 с.
12. Белеков И. И., Калашников Л. И., Кротов М. И. О гуманитарном векторе международной политики Российской Федерации на современном этапе // Проблемы современной экономики. — 2019. — № 2 (70). — С. 6–10. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6594>

13. Россия после кризиса: сб.ст. / авт.-сост. С. Гурьев, Э. Качинс, А. Ослунд; пер. с англ. О. Литвиновой, М. Овчаренко. — М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. — 394 с.
14. Токаев К. — Ж. Свет и Тень. Очерки казахстанского политика. — М.: Восток — Запад, 2008. — 544 с.
15. Кругман П. Выход из кризиса есть! / Пер с англ. Ю. Гольдберга. — М.: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2013. — 320 с.
16. Всемирный банк // Официальный сайт. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (Дата обращения: 1.11.20).
17. Зовнішня торгівля України товарами та послугами у 2018 році // Офіційний сайт Міністерства розвитку економіки, торгівлі та сільського господарства України. URL: <https://www.me.gov.ua/Documents/List?lang=uk-UA&id=e8551533-1004-4210-9980-a3a50e134096&tag=InformatsiinoanalitichniMateriali> (Дата обращения: 4.11.20).
18. Шмигаль заявив, що через 15 років Україна не зможе виплачувати пенсії // Українська Правда. — 4.10.2020. URL: <https://www.epravda.com.ua/news/2020/10/4/665870/> (Дата обращения: 4.11.20).
19. Вардомский Л. Б., Глинкина С. П., Головин М. Ю., Зевин Л. З., Косикова Л. С., Кузьмина Е. М., Ушкалова Д. И., Шурубович А. В. Проблема формирования евразийского полюса экономической силы и его позиционирование в мире // Мир перемен. — 2012. — № 2. — С.162–177.
20. Кротов М. И., Мунтян В.И. Об антикризисной монетарной стратегии экономического развития России // Проблемы современной экономики. — 2015. — № 3 (55). — С. 17–26.
21. Евразийская политическая экономия: учебник / под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. — 767 с.
22. Курбанов Р. А. Евразийское право. Теоретические основы: монография / Р.А. Курбанов; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 847 с.
23. Чурфин Г.И. Очерки евразийской интеграции. — М.: Издательство «Весь мир», 2013. — 128 с.
24. Горовой В.А., Чернявский С.И. Содружество Независимых Государств — реалии и перспективы. М.: Навона, 2008. — 192 с.
25. Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Содружество Независимых Государств: Институты, интеграционные процессы, конфликты: учеб. пособие для студентов вузов / Ю. В. Косов, А.В. Торопыгин. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 224 с.
26. Кефели И.Ф. Геополитика Евразийского Союза: От идеи к глобальному аспекту. — СПб: ИД «ПЕТРОПОЛИС», 2012. — 192 с.

ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ СТРАНАМИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ ЧЕРЕЗ МНОГОСТОРОННИЕ БАНКИ РАЗВИТИЯ* (ЧАСТЬ 2)

И.В. Пилипенко,

директор Института конкурентоспособности и интеграции (НИИКИ) (г. Москва),
кандидат географических наук, магистр государственного администрирования (МРА)
i-pilipenko@yandex.ru

В статье рассматривается изменение баланса интеграционных объединений в Европе в 1980–2010 гг. — Европейских Сообществ и Европейского союза (ЕС), с одной стороны, и Совета экономической взаимопомощи и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), с другой стороны. С помощью базы данных Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) из 24067 проектов за период 1959–2019 гг. и составленных автором баз данных о 77 проектах Международного банка экономического сотрудничества (МБЭС) за 2017–2019 гг. и 64 операциях Международного инвестиционного банка (МИБ), подписанных в 2012–2019 гг., анализируются основные показатели деятельности ЕИБ, МБЭС и МИБ, подробно рассматривается проектная работа ЕИБ в государствах-членах ЕАЭС и основные направления операционной деятельности МИБ и МБЭС. На основе проведенного анализа сформулированы предложения по повышению роли МИБ и МБЭС в своем регионе операций.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Европейский союз, Европейский инвестиционный банк, Международный банк экономического сотрудничества, Международный инвестиционный банк, многосторонний банк развития, инвестиции, кредиты, гарантии.

УДК 339.923:339.732 ББК 65.5

Основные показатели деятельности Международного инвестиционного банка

Международный инвестиционный банк (МИБ) был основан в 1970 г. с целью предоставления долгосрочных и среднесрочных кредитов для финансирования совместных инвестпроектов стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), углубления социалистического разделения труда, расширения сырьевой и топливной базы в интересах стран-членов и развития национальных экономик. При этом кредитруемые банком проекты должны были «соответствовать высшему научно-техническому уровню, обеспечивать производство продукции высшего качества с наименьшими затратами и ценами, соответствующими мировому рынку» [12]. Странами-учредителями выступили Болгария, Венгрия, ГДР, Монголия, Польша, СССР и Чехословакия; Румыния присоединилась к Соглашению об образовании МИБ в 1971 г., а позднее акционерами банка также стали Вьетнам и Куба. Уставной капитал в объеме 1 млрд переводных рублей

формировался на 30% в свободно конвертируемой валюте или в золоте.

В рамках СЭВ МИБ выделял кредиты в т.ч. для освоения в 1970-е гг. Оренбургского газоконденсатного месторождения и строительства газопровода «Союз» (Оренбург — Западная граница СССР), для модернизации предприятий «Икарус» (Венгрия), «Умформтехник» (ГДР), «Татра» и «Шкода» (Чехословакия) [2]. За период 1971–1985 гг. наибольшее количество проектов было реализовано в машиностроении (45 операций объемом 887 млн переводных рублей), в металлургической (7 проектов, 190 млн переводных рублей) и химической промышленности (9 проектов, 181 млн переводных рублей). Прибыль банка за тот же период составила 305 млн долл., из которых 178 млн долл. были выплачены странам-акционерам [2]. На 1 января 1988 г. объем выданных МИБ кредитов с начала деятельности составил 5 млрд переводных рублей [11].

* Первая часть статьи опубликована в номере №3 (75) 2020 г.